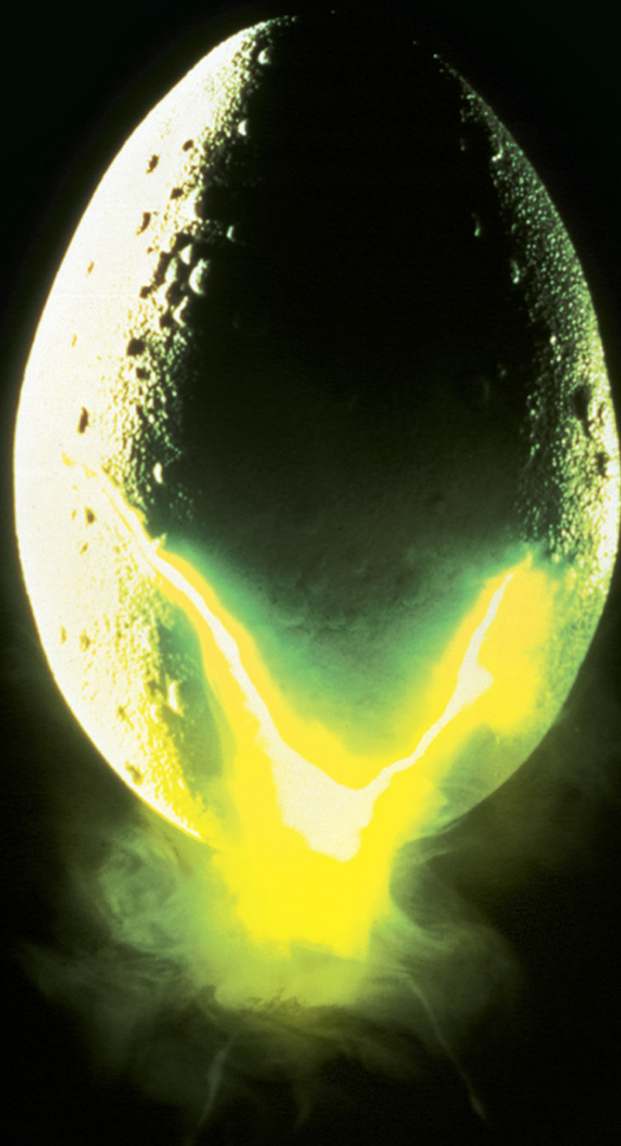

ОФИЦИАЛЬНАЯ НОВЕЛЛИЗАЦИЯ КИНОХИТА

Ч У Ж О Й™

В КОСМОСЕ НИКТО НЕ УСЛЫШИТ ТВОЙ КРИК

АЛАН ДИН ФОСТЕР

СЦЕНАРИЙ ДЭН О'БЭННОН

СЮЖЕТ ДЭН О'БЭННОН **И** РОНАЛЬД ШУСЕТТ

Вселенная Чужих и Хищника

Алан Фостер

Чужой

«АСТ»

1979

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

Фостер А. Д.

Чужой / А. Д. Фостер — «АСТ», 1979 — (Вселенная Чужих и Хищника)

ISBN 978-5-17-109287-0

Экипаж космического буксира «Ностромо», следующего в Солнечную систему, внезапно разбужен от криогенного сна. Причина — таинственные сигналы, поступающие с неисследованной планеты и воспринятые корабельным компьютером как призыв о помощи. Отправившись на поиски источника сигналов, исследовательская группа землян обнаруживает остатки гигантского звездолета, принадлежащего чужой цивилизации. Но главное — один из астронавтов атакован загадочным существом. Чтобы спасти его, товарищи принимают решение перенести пострадавшего на борт «Ностромо» вместе с неведомым агрессором. Им невдомек, что бортовому компьютеру удалось частично расшифровать загадочный сигнал, оказавшийся предупреждением о смертельной опасности... Перед вами — блистательная новеллизация легендарного фильма Ридли Скотта, ставшего заметной вехой в истории кинематографа и положившего начало целой Вселенной — Вселенной Чужого.

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-109287-0

© Фостер А. Д., 1979

© АСТ, 1979

Содержание

I	6
II	16
III	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алан Дин Фостер

Чужой: Официальная новеллизация

Alan Dean Foster

ALIEN™: The Official Movie Novelization

Печатается с разрешения издательства Titan Publishing Group Ltd.

www.titanbooks.com

TM & © 1979, 2018 Twentieth Century Fox Film Corporation.

All Rights Reserved.

*Джиму Макквейду,
доброму другу и собрату-исследователю
чрезвычайных возможностей...*

I

Семеро спали.

Нужно понимать, что они не были профессионалами-сновидцами. Работа последних высоко оплачивается, их уважают, а их таланты пользуются спросом. Подобно большинству из нас, эти семеро грезили без усилий или подготовки. Грезить профессионально – так, чтобы твои сны записывали и воспроизводили для развлечения других – занятие куда более сложное. Оно требует умения регулировать полубессознательные творческие импульсы и при этом пользоваться воображением – чрезвычайно непростая комбинация навыков. Профессиональный сновидец – самый организованный из всех артистов, но в то же время он и самый спонтанный из них. Искусный ткач умозрительных конструкций, не такой прямолинейный и неуклюжий, как мы с вами. Или как вот эти семеро спящих.

Из всех них Рипли была наиболее близка к обладанию этим особым талантом. У нее было немного врожденных навыков сновидца, и ее воображение было более живым, чем у компаньонов. Однако ей не хватало настоящего вдохновения и подлинной зрелости мысли, характерных для профессионалов.

В реальности она весьма преуспела в упорядочивании припасов и груза, раскладывании коробок «А» в складском отсеке «В» и сверке деклараций. Но вот на складе разума ее система хранения данных сбоила. Надежды и страхи, догадки и неоформленные идеи беспорядочно скользили из одного отдела в другой.

Уорент-офицер Рипли нуждалась в большем самоконтроле. Сырые причудливые мысли бродили прямо под поверхностью осознания, ожидая, когда их выпустят наружу. Чуть большее усилие, большая плотность самосознания, и из нее получился бы довольно неплохой профи-сновидец. Или ей так казалось время от времени.

Капитан Даллас, хотя и казался ленивым, был самым организованным из всех. Да и воображения ему хватало. В частности, доказательством тому служила его борода. Никто не оставлял бороду, отправляясь в заморозку. Никто, кроме Далласа. Борода была частью его индивидуальности, как он объяснял уже не первому любопытному члену команды. И желания расстаться со старомодной растительностью на лице было у него не больше, чем с любой другой частью себя. Даллас был капитаном двух кораблей: буксира «Ностромо» и своего тела. И оба должны оставаться невредимыми, как во время сна, так и на протяжении периода бодрствования.

Так что у него имелись и способности к управлению, и некоторая доля воображения. Но профессиональный сновидец нуждается в гораздо большем количестве последнего, и эту нехватку нельзя компенсировать преобладанием первого компонента. Из Далласа сновидец-профи получился бы не лучше, чем из Рипли.

Кейн контролировал свои мысли и действия хуже Далласа, да и воображения у него было куда меньше, но он был отличным старшим помощником. И никогда не смог бы стать капитаном. Для этого необходим определенный напор, дополненный способностью отдавать команды другим, а ничем из этого Кейн одарен не был. В сравнении с грезами Далласа его сны казались прозрачными, бесформенными тенями – точно так же, как сам Кейн был более тусклым и менее энергичным подобием капитана. Это не делало его менее симпатичным, но профессиональное сновидение требует определенного количества дополнительной энергии, а у Кейна ее едва хватало на обычную жизнь.

В снах Паркера не было явной агрессии, но все же они были менее безмятежными, чем у Кейна. И в них воображение почти вовсе отсутствовало. Они были слишком специализированы, и люди в них появлялись очень редко. Чего еще можно ожидать от корабельного механика?

Его сны были сугубо прямолинейными, а временами отвратительными. Во время бодрствования этот глубоко запятанный мусор редко давал о себе знать – например, когда механика что-то раздражало или он злился. Большая часть вязкой грязи и нечестности, что ферментировались на дне в чаше его души, была хорошо скрыта. Товарищи по команде никогда не заглядывали глубже дистиллированного Паркера, который плавал на поверхности – им не представлялось шанса взглянуть на то, что варилось и побулькивало глубоко внутри.

Ламберт же куда больше походила на источник вдохновения для сновидцев, чем на самого сновидца. Во время гиперсна ее беспокойные грезы были заполнены прокладкой курсов и коэффициентами загрузки, которые необходимо было сбалансировать правильным расчетом топлива. Временами воображение вторгалось в эти рациональные конструкции, но не в том виде, чтобы взволновать возможных зрителей.

Паркер и Бретт часто воображали, как их собственные системы органов прокладывают курс к ее системам. Они обдумывали вопрос факторов нагрузки и пространственного соприкосновения так глубоко, что Ламберт пришла бы в ярость, если бы об этом узнала. Чтобы ее не бесить, эти неправомерные размышления оба держали при себе, надежно заперев их в мечтах и снах. Негоже расстраивать Ламберт. Будучи навигатором «Ностромо», в первую очередь она отвечала именно за то, чтобы все они благополучно вернулись домой, а это было самым волнующим и желанным из всего, что только мог представить себе любой мужчина.

Бретт значился на борту всего лишь как механик-техник. Это был изящный способ сказать, что он такой же умный и компетентный, как Паркер, но ему не хватает трудового стажа. Мужчины образовывали странную пару – они были совсем разными, и совершенно по-разному относились к другим. Тем не менее сосуществовали и работали вместе они вполне гладко. По большей части успех их дружбы и сотрудничества заключался в том, что Бретт никогда не нарушал личные границы Паркера. Техник был настолько же серьезен и флегматичен, насколько Паркер – говорлив и непостоянен. Паркер мог часами причитать по поводу вышедшей из строя микросхемы, проклиная ее родословную вплоть до почвы, из которой изначально были добыты ее редкие земные компоненты. И Бретт терпеливо отвечал ему: «В точку».

Для Бретта эти два слова значили куда больше, чем просто декларация мнения. Они были отражением его личности. Для него тишина являлась самой ясной формой коммуникации. А вот в болтливости крылось безумие.

И еще был Эш. Эш являлся научным сотрудником, но не это делало его сны такими забавными. В смысле, забавно-своеобразными, а не забавными в смысле «ха-ха». Из всей команды у него были наиболее профессионально организованные сны. Они соответствовали его бодрствующему «я» куда больше, чем у всех прочих. Сны Эша совершенно не содержали ложных представлений.

И это было вовсе не удивительно, если по-настоящему знать Эша. Впрочем, ни один из шести товарищей по команде его толком не знал. Зато сам Эш знал себя отлично, и если бы его спросили, то он мог рассказать, почему он никогда не стал бы профессиональным сновидцем. Но никто и не думал задавать такой вопрос, несмотря на то, что научный сотрудник явно считал профессиональное сновидение куда более пленительным, чем любой из членов команды.

О, и еще был кот по имени Джонс. Совершенно обычный домашний кот – точнее, в данном случае корабельный кот. Джонс был крупным животным с рыжеватым мехом, сомнительной родословной и независимым видом, и он давно привык к превратностям корабельной жизни и специфическим особенностям людей, что путешествовали в космосе. Он тоже спал холодным сном и видел простые грезы о теплых, темных местах и мышах, придавленных силой гравитации.

Из всех сновидцев на борту он был единственным умиротворенным существом, хотя его сны и нельзя было назвать невинными.

Жаль, что никто из них не годился в профессиональные сновидцы, поскольку на протяжении работы у каждого в распоряжении имелось больше времени на сон, чем у дюжины любых профессионалов – даже несмотря на замедленный из-за системы охлаждения темп видений. Сновидение стало их основным развлечением по необходимости. Команда корабля в глубоком космосе, находясь в заморозке, не может делать ничего, кроме как спать и видеть сны. Но, несмотря на то, что им предстояло навсегда остаться в лиге любителей, за прошедшее время они стали весьма компетентными сновидцами.

Семеро их было. Семеро безмятежных сновидцев в поисках кошмара.

Хотя у «Ностромо» имелось нечто вроде сознания, он не грезил. Для него не было такой необходимости – так же, как он не нуждался и в сохраняющем эффекте заморозки. Но если бы он грезил, то его видения, скорее всего, были бы мимолетными и краткими, поскольку он никогда не спал. Он функционировал, поддерживал системы и заботился о том, чтобы погруженный в сон человеческий состав всегда оставался на шаг впереди терпеливо ждущей смерти, которая следовала за холодным сном подобно огромной серой акуле за морским кораблем.

Свидетельства непрестанной механической бдительности «Ностромо» были на корабле повсюду – тихий гул и мерцание подсветки складывались в дыхание машинного присутствия. Оно пропитывало все системы корабля и задействовало сенсоры для того, чтобы регулярно проверять каждую схему или распорку. У «Ностромо» имелись также внешние сенсоры, чтобы следить за пульсом космоса. И сейчас они были направлены на электромагнитную аномалию.

Одна часть мозга «Ностромо» была специально предназначена для анализа таких аномалий. Компьютер основательно разжевал данные одной из этих аномалий, счел привкус странным, изучил результаты анализа и принял решение. Он активировал инструментарий гибернации, отчего по цепям, которые регулировали состояние сна, побежал поток электронов. В ознаменование этого решения загорелись яркие лампы, будто от дыхания механической машины.

Отчетливо раздался звуковой сигнал, хотя пока что услышать и распознать его могли только искусственные мембраны. Этот сигнал давненько не звучал на «Ностромо», и обозначал он событие, которое происходило нечасто.

Внутри этого корпуса, который пробуждался со щелчками и вспышками, среди переговаривающихся друг с другом приборов, находилась особая комната, отделанная белыми металлическими панелями. А в ней было семь коконов из металла и пластика цвета снега.

В тишине раздался новый звук – с громким шипением комната наполнилась очищенным воздухом, пригодным для дыхания. Человечество добровольно поместило себя в такое положение, доверив маленьким жестяным богам вроде «Ностромо» обеспечивать себя дыханием жизни в такие моменты, когда сами люди не были на это способны. И сейчас датчики полуразумного электронного существа проверяли этот воздух, после чего его качество было признано удовлетворительным для поддержания жизни столь хрупкой органики, как человек. Засияло дополнительное освещение, заработали функциональные связи. Без всяких фанфар открылись крышки семи пластиковых хризалид, и похожие на гусениц фигуры начали всплывать изнутри к свету.

Отрезанные от своих видений, семеро членов команды «Ностромо» впечатляли еще меньше, чем находясь в гиперсне. Во-первых, с них стекала предохраняющая криожидкость, которая окружала и заполняла их тела во время холодного сна. А каким бы прекрасным аналептиком она ни была, слизь все же никогда не смотрится привлекательно.

Во-вторых, они были обнажены, а защитная жидкость плоховато заменяла искусственные покровы, называемые одеждой, которые придавали телам форму и стройнили.

– Господи, – пробормотала Ламберт, с отвращением стирая слизь с плеч и боков, – мне холодно!

Она выбралась из гроба, хранившего жизнь вместо смерти, и начала копать в соседнем отделении. Найдя там полотенце, она принялась обтирать им прозрачный сироп с ног.

– Какого дьявола Мать не может нагреть корабль до того, как вытаскивать нас со склада? – вытирая ступни, Ламберт одновременно пыталась вспомнить, где бросила свою одежду.

– Ты знаешь ответ, – Паркер был слишком занят собственной липкой и утомленной персоне, чтобы паясничать на голую женщину-навигатора. – Политика Компании. Консервирование энергии, которое переводится как «выгодно Компании». Зачем избыточно расходовать мощность, чтобы обогреть секцию заморозки, если с этим можно подождать до последнего момента? К тому же, при выходе из гиперсна всегда холодно. Ты же в курсе, что холодильник понижает и твою внутреннюю температуру.

– Да, я в курсе. Но мне все равно холодно, – пробурчала Ламберт, зная, что Паркер, безусловно, прав, но не желая этого признавать. Механик ее никогда особо не волновал.

«Что б тебя, Мать, – подумала она, глядя на гусиную кожу на предплечье, – включи уже обогрев!»

Даллас обтирался полотенцем, промакивая остатки липкой криосубстанции, и старался не смотреть на нечто, чего другие пока видеть не могли. Он же заметил это, еще не поднявшись из камеры заморозки. Корабль позаботился о том, чтобы капитан сразу обратил внимание кое на что.

– Работа согреет нас достаточно быстро, – Ламберт в ответ на это пробурчала что-то неразборчивое. – Все по местам. Полагаю, что все вы помните, за что вам платят. Ну, кроме того, что можно проспять все заботы.

Никто не улыбнулся и не прокомментировал этот призыв. Паркер глянул туда, где из своей холодильной камеры поднимался его партнер.

– Доброе утро. Ты еще с нами, Бретт?

– Угу.

– Вот и славно, – это уже Рипли. Она потянулась, и движение в ее исполнении выглядело куда изящнее, чем у прочих. – Здорово знать, что наш главный любитель поговорить так же болтлив, как и всегда.

Бретт просто улыбнулся и ничего не ответил. Он был так же разговорчив, как машины, которые он обслуживал – то есть неразговорчив вовсе, – и этот факт служил предметом шуток, хорошо понятных корабельной команде-семье. В такие моменты они смеялись вместе с ним, а не над ним.

Даллас делал повороты корпусом – локти параллельно полу, руки вместе у груди перед собой. Ему казалось, что он слышит скрип суставов, давно отвыкших от подобных упражнений. У него из головы никак не шел вспыхивающий желтый огонек, столь же красноречивый, сколь и любое голосовое сообщение. При помощи таких маленьких, окрашенных в солнечные тона зловещих «глаз» корабль сообщал, что причиной пробуждения команды стал не конец путешествия, а иной повод. И Даллас уже гадал, что случилось.

Эш поднялся, безэмоционально огляделся вокруг. Судя по «выразительности» лица, его вполне можно было счесть все еще спящим.

– Ощущаю себя покойником, – заявил он, посмотрев на Кейна. Старший помощник зевал, еще до конца не проснувшись. У Эша имелось профессиональное мнение на тему того, что старпом на самом деле наслаждался состоянием гиперсна и, если бы ему позволили, провел бы в нарколепсии всю жизнь.

Не будучи в курсе этого мнения, Паркер глянул на научного сотрудника и радостно подтвердил:

– Ты и выглядишь, как покойник, – правда, он чувствовал, что и сам, скорее всего, выглядит не лучше. Гиперсон действовал на кожу так же негативно, как и на мышцы. Потом внимание Паркера переключилось на «гроб» Кейна – тот наконец-то поднялся.

– Здорово наконец-то проснуться, – старпом поморгал.

– По тебе не скажешь – особенно, по количеству времени, которое у тебя на это уходит. Кейн принял обиженный вид.

– Это чертова клевета, Паркер. Просто я медленнее вас, вот и все.

– Ага, – тот не стал развивать тему, и повернулся к капитану, поглощенному изучением чего-то, невидимого механику. – Прежде чем мы зарулим на посадку, может, еще разок пройдемся по ситуации с премией?

Впервые с момента пробуждения Бретт выказал слабые признаки энтузиазма:

– Ага.

Паркер тем временем продолжил, шнуруя ботинки:

– Мы с Бреттом считаем, что заслужили ее сполна. Полная премия за успешное завершение плюс жалование и доля от участия.

«Во всяком случае ясно, что глубокий сон не повредил инженерному составу, – устало подумал Даллас. – Едва пришли в сознание, пары минут не прошло, и они уже жалуются».

– Вы двое получите то, что оговорено в контракте. Не больше и не меньше. Как и все остальные.

– Остальные получают больше нас, – тихо сказал Бретт. Для него эта фраза равнялась целой речи. На капитана, впрочем, она не произвела впечатления: у Далласа сейчас не было времени на банальности или не слишком серьезную игру в слова. Этот мерцающий огонек требовал его полного внимания и дирижировал его мыслями, исключая все прочее.

– Остальные заслуживают больше вас. Если хотите, пожалуйста в бухгалтерию Компании. А теперь давайте вниз.

– «Пожалуйста Компании», – недовольно пробурчал Паркер, глядя, как Бретт выбрался из своего «гроба» и начал обтирать ноги. – С тем же успехом можно пожаловаться напрямую Господу.

– То же самое, – Бретт уже проверял слабую подсветку своей холодильной камеры. Он едва пришел в сознание, с его обнаженного тела еще стекала криожидкость, но механик уже погрузился в работу. Он был из тех, кто может днями ходить со сломанной ногой, но не способен проигнорировать сломавшийся туалет.

Даллас мыслями уже был в помещении с центральным компьютером, однако бросил через плечо:

– И пусть кто-нибудь из вас, клоунов, возьмет кота.

Безвольную желтоватую тушку из морозильной камеры извлекла Рипли. Ее лицо выражало обиду.

– Не надо быть таким безразличным, – она с любовью погладила мокрое животное. – Он же не предмет оборудования. Джонс – член команды, такой же, как любой из нас.

– И полезнее, чем некоторые, – Даллас наблюдал, как Паркер и Бретт, уже полностью одетые, удалялись в направлении машинного отделения. – Он не заполняет те несколько часов бодрствования на борту, что у меня есть, жалобами на тему зарплаты или премий.

Рипли ушла, унося кота, завернутого в толстое сухое полотенце. Джонс неуверенно мурлыкал и с достоинством вылизывался. Уже не первый раз он просыпался после гиперсна, поэтому на данный момент мирился с позором того, что его несут.

Даллас закончил вытираться и тронул кнопку в основании собственной капсулы. Вперед тихо выдвинулся небольшой отсек, полозья которого работали почти без трения. Там хранилась одежда капитана и некоторые личные вещи.

Пока он одевался, к нему неспешно подошел Эш. Он заканчивал застегивать на себе чистую рубашку, а его голос звучал тихо:

– Кажется, Мать хочет с тобой поговорить? – прошептал он, кивнув в направлении желтого огонька, вспыхивающего на подвесной консоли рядом.

– Я видел, да, – Даллас просунул руки в рукава. – Темно-желтый. Уровень безопасности один, без предупреждения об угрозе. Не говори остальным. Если что-то действительно серьезное, то они скоро об этом узнают.

Капитан надел мятую коричневую куртку, но застегивать не стал.

– Что бы там ни было, это не может быть слишком серьезным, – в голосе Эша звучала надежда, когда он указал на мерцающий огонек. – Всего лишь желтый, а не красный.

– В данный момент, – Даллас оптимистом не был, – я бы предпочел проснуться и увидеть славный сигнал цвета лесной зелени. – Он пожал плечами и постарался добавить в голос надежды, как у Эша: – Может, у нас автоповар на последнем издыхании? А учитывая, что он именуется едой, возможно, оно и к лучшему.

Капитан попытался улыбнуться, но у него не вышло. «Ностромо» не был человеком. Он не подшучивал над командой и не стал бы вытаскивать их из гиперсна с желтым предупреждающим сигналом без серьезной на то причины. А сломавшийся автоповар на таковую не тянул.

Ну, да ладно. После того, как капитан несколько месяцев бездельничал, только и зная, что спать, сейчас у него не было права жаловаться, даже если потребуется хорошенько попотеть в течение нескольких часов.

Комната с центральным компьютером слегка отличалась от прочих рабочих помещений «Ностромо». Стены были похожи на калейдоскоп, состоящий из световых индикаторов, мерцающих экранов, данных и шкал – все вместе это напоминало иллюминацию на шумной вечеринке, в которой принимает участие дюжина напившихся новогодних елок.

Усевшись в эргономичное кресло с толстой обивкой, Даллас задумался над тем, с чего начать. Эш занял место напротив блока разума и с легкостью и скоростью, несвойственными человеку, только что очнувшись после гиперсна, принялся за работу. В способности управляться с приборами с научным сотрудником не мог сравниться никто.

Даллас частенько желал, чтобы у него самого имелось такое взаимопонимание с компьютерами. Все еще ощущая похмелье после гиперсна, он ввел первичный запрос. По экрану пробежали искаженные сигналы, сформировавшиеся в узнаваемые слова. Даллас проверил формулировку и счел, что она стандартна.

**ВКЛЮЧИТЬ ФУНКЦИЮ МОНИТОРИНГА ДЛЯ МАТРИЦЫ
ОТОБРАЗИТЬ
ПОСЛАТЬ ЗАПРОС**

Корабль тоже счел это приемлемым, и ответ Матери последовал незамедлительно:

МОНИТОРИНГ ОБРАЩАЕТСЯ К МАТРИЦЕ.

Под этим кратким сообщением возникли колонки информационных категорий.

Даллас изучил предоставленный мелким шрифтом список, обнаружил желаемый отрезок и ввел команду: **ВКЛЮЧИТЬ ПРИОРИТЕТ КОМАНДЫ.**

– **ФУНКЦИЯ МОНИТОРИНГА ГОТОВА К ЗАПРОСУ,** – откликнулась Мать. Разум компьютеров обычно не программировали на многословность, и Мать не являлась исключением из правила.

Это было хорошо с точки зрения Далласа. Капитан был не в настроении для болтовни. Так что он просто ввел короткое: «**ЧТО ЗА ИСТОРИЯ, МАТЬ?**» – и стал ждать...

Нельзя сказать, что мостик «Ностромо» был просторным. Скорее, он вызывал клаустрофобию меньше, чем прочие комнаты и отсеки на корабле – хотя разница была невелика. Пять

эргономичных кресел ожидали своих владельцев. На консолях повсюду терпеливо вспыхивали и гасли огоньки, и многочисленные дисплеи разных форм и размеров ожидали прибытия людей, которые скамандуют, что отображать. Большой мостик был бы дорогостоящим излишеством – ведь большую часть времени в полете команда проводила без движения в заморозке. Потому его спроектировали сугубо для работы, а не для отдыха или развлечения. И люди, что здесь работали, знали это так же хорошо, как и машины.

Плотно закрытая дверь дрогнула и бесшумно скользнула в стену. Вошел Кейн, за которым следовали Рипли, Ламберт и Эш. Они подошли к своим местам, устроились за консолями с простотой и легкостью старых друзей, встретившихся после долгой разлуки.

Пятое место осталось пустовать до тех пор, пока Даллас не вернется со своего свидания тет-а-тет с Матерью – блоком разума компьютера «Ностромо». Это было его настоящее имя, а не шуточная кличка: люди становятся весьма серьезными, когда речь заходит о машинах, ответственных за сохранение человеческих жизней. Со своей стороны, машина приняла имя Мать с такой же торжественностью, хотя и без эмоционального окраса.

Неформальность одежды была под стать расслабленным телам членов команды – небрежная пародия на летную униформу. Наряд каждого отражал его индивидуальность. Футболки и брюки были измяты и выглядели потрепанными после того, как годы пролежали в ящиках без дела – как и тела, которые они облекали.

Первые звуки, раздавшиеся на мостике за много лет, отражали чувства всех присутствовавших, пусть даже те сами еще не могли их толком осознать. Джонс мяукнул, когда Рипли опустила его на палубу. Затем он принялся мурлыкать и тереться о ее лодыжки, пока она устраивалась в кресле с высокой спинкой.

– Подключи нас, – Кейн проверял собственную консоль, лаская приборы взглядом и выискивая изменения и отличия, пока Рипли и Ламберт щелкали нужными переключателями и нажимали на кнопки.

Новые огоньки разных цветов перекинулись с одних панелей и экранов на другие. Складывалось ощущение, что инструменты радовались появлению своих органических коллег и рвались продемонстрировать собственные таланты по первому же запросу.

На панелях перед Кейном появились свежие цифры и слова. Он соотнес их с тут же вспомнившимися, запечатленными в мозгу.

– Пока все выглядит нормально. Дай нам на что-нибудь поглядеть.

Пальцы Ламберт затанцевали арпеджио над плотно натканными кнопками управления. По всему мостику ожили видеопанели, большая часть которых для лучшего обзора свисала с потолка. Навигатор изучила квадратный экран рядом с собой и тут же нахмурилась. Многое из того, что она увидела, было ожидаемо, но еще больше оказалось неожиданного. А самое главное – то, чего они ждали больше всего, и что должно было доминировать на обзорных экранах, отсутствовало. Это было настолько важно, что свело на нет прочие показатели.

– Где Земля?

Тщательно изучая собственный экран, Кейн различал только черноту, усеянную звездами. Даже принимая во внимание вероятность того, что они вышли из гиперпространства слишком рано, родная система должна быть хотя бы обозначена на мониторах. Но Солнца не было так же, как и Земли.

– Ты мне это скажи, Ламберт. Ты же у нас навигатор.

Какая-то звезда находилась строго по центру на каждом экране, но это было не Солнце: цвет не тот, а форма увеличенных компьютером пятнышек на ее орбите – и подавно. Они были несвойственными привычному Солнцу – ни их форма, ни размер, ни количество.

– Это не наша система, – озвучила очевидное Рипли, оцепенело глядя на экран.

– Может, проблема не в звездах, а в нашем положении? – голос Кейна звучал не слишком убедительно даже для него. – Уже бывало, что корабли выходили из гиперпространства жопой

вперед к месту назначения. На максимальном увеличении это вполне может оказаться Центавром, а Солнце может быть позади нас. Прежде, чем паниковать, давайте все просканируем.

Он не добавил, что система на экранах напоминала систему Центавра примерно в той же степени, что и Солнечную.

Герметизированные камеры в побитой шкуре «Ностромо» бесшумно зашевелились в вакууме космоса, пытаясь отыскать в бесконечности следы теплой Земли. Вспомогательные камеры на прицепе корабля – огромном конгломерате массивных форм и металлических фигур – давали собственную панораму. Обитатели предыдущей эпохи были бы изумлены, если бы узнали, что сквозь пустоту между звездами «Ностромо» буксирует внушительное количество нефти-сырца с собственным автоматическим и постоянно функционирующим заводом по ее очистке.

К тому времени, как «Ностромо» прибудет на околоземную орбиту, эта нефть уже превратится в нефтехимические продукты. Подобная методика была необходима. Хотя человечество давно разработало для питания своей цивилизации чудесные и эффективные заменители, сделано это было только после того, как жадные индивиды высосали последние капли нефти из опустошенной Земли. Все машины человечества теперь работали на ядерном синтезе и солнечной энергии, но полностью заменить нефтепродукты эти средства не могли. Например, атомный двигатель не мог производить пластик, а современный мир скорее сможет существовать без энергии, чем без пластика. Отсюда и присутствие коммерчески выгодного, хотя и исторически нелепого груза «Ностромо», состоящего из оборудования и зловонной черной жидкости, которую оно терпеливо перерабатывало.

Единственной системой, которую обнаруживали камеры, была та самая, что красовалась строго по центру всех экранов на мостике – та самая, с неподобающим ожерельем планет, кружащих вокруг звезды невнятного цвета. У Кейна уже не осталось сомнений – и еще меньше их было у Ламберт, – что «Ностромо» предполагал именно эту систему их непосредственным пунктом назначения.

Все же здесь могла крыться ошибка расчета времени, а не пространства. Солнце могло быть расположено где-то в отдалении слева или справа от этой звезды. И был надежный способ это выяснить.

– Свяжись с управлением траффика, – Кейн пожевал нижнюю губу. – Если мы сможем связаться с ними, то поймем, что мы – в правильном квадранте. Если Солнце где-то неподалеку, то мы получим ответ с одной из внешних станций.

Пальцы Ламберт тронули другие кнопки.

– Это коммерческий буксир глубокого космоса «Ностромо», регистрационный номер один-восемь-ноль-два-четыре-шесть, на пути к Земле с объемным грузом нефти-сырца и заводом по ее переработке. Вызываю Антарктическое управление траффиком. Вы меня слышите? Прием.

В ответ из динамиков донеслось только слабое, но постоянное шипение помех. У ног Рипли мурлыкал в такт этому шуму Джонс.

Ламберт попыталась снова:

– Коммерческий буксир глубокого космоса «Ностромо» вызывает Солнце, Антарктическое управление траффиком. Мы испытываем сложности с определением места положения. Это срочный вызов; пожалуйста, ответьте.

И снова только нервное шипение помех.

Ламберт забеспокоилась:

– Нужна помощь, нужна помощь. Буксир «Ностромо» вызывает солнечное управление траффиком или любое судно в диапазоне слышимости. Нужна помощь. Ответьте.

Неоправданный призыв о помощи (ведь Ламберт знала, что им сейчас не угрожает никакая непосредственная опасность) остался без ответа и отклика. Она удрученно выключила

передатчик, но оставила приемник работать на всех каналах, на случай, если где-то рядом пройдет еще один корабль, ведущий трансляцию.

– Я так и знала, что мы не рядом с нашей системой. Я знаю окрестности, – пробормотала Рипли и кивнула на экран над своим местом. – Такого нет нигде поблизости от Солнца.

– Занимайся делом, – приказал ей Кейн и повернулся обратно к Ламберт. – Ну и где мы? У тебя уже есть данные?

– Дай мне минутку, ладно? Это не так просто. Мы в каком-то космическом захолустье.

– Старайся.

– Я над этим работаю.

Через несколько минут интенсивного поиска и взаимодействия с компьютером на ее лице появилась скупая ухмылка удовлетворения.

– Нашла, где это... и мы. Мы совсем недалеко от Дзеты-Два в созвездии Сетки. Еще даже не достигли внешнего заселенного кольца. Слишком глубоко, чтобы дотянуться до навигационного маячка, не говоря уже о диспетчерах Солнечной.

– И какого черта мы здесь делаем? – вслух поинтересовался Кейн. – Если с кораблем все в порядке, а мы еще не дома – зачем Мать нас разморозила?

По чистой случайности, а вовсе не в ответ на размышления старпома, раздался громкий и повелительный сигнал, привлекающий внимание к станциям управления...

Рядом с кормовой частью «Ностромо» располагался просторный отсек, заполненный преимущественно сложными и мощными механизмами. Здесь находилось сердце корабля – обширная система двигателей, которые позволяли буксиру искривлять пространство, игнорировать время и «показывать свой металлический нос» Эйнштейну... и отсюда же шло питание устройств, поддерживавших хрупкие жизни человеческой команды.

На переднем краю этого массивного гудящего комплекса имелся стеклянный отсек, прозрачный бугорок на носу айсберга гиперпространственного двигателя. Внутри, устроившись в эргономичных креслах, находились два человека. Они несли ответственность за здоровье и благополучие корабельного двигателя, и такое положение дел их устраивало. Они заботились о нем, а он заботился о них.

Большую часть времени двигатель отлично заботился о себе сам, что позволяло людям тратить время на более интересные и полезные дела, вроде распития пива или обмена грязными историями. В данный момент был черед Паркера. Он в сотый раз пересказывал байку о механике-новичке и борделе с невесомостью. Это была хорошая история, из тех, что всегда вызывали понимающий смехок-другой у молчаливого Бретта и утробный смех у самого рассказчика.

– ...и вот мадам надвигается на меня, взбешенная и озабоченная одновременно, – говорил инженер, – и настаивает, чтобы мы пошли и вызволили этого болвана. Думаю, он просто не знал, во что влетел. – Как обычно, он захохотал над игрой слов. – Ты помнишь это место. Все четыре стены, пол и потолок – сплошное зеркало. Кровати нет, только бархатная сеть, подвешенная в центре, – чтобы ограничивать твою активность и не давать ударяться о стены, – и нулевая гравитация. – Он покачал головой, вспоминая с неодобрением. – Не место для любителей, нет, сэр! Подозреваю, мальчишку сбили с толку или уговорили попробовать это члены его команды.

Как позже рассказала мне, отмываясь, девушка, которая в этом участвовала, начали они отлично, но затем начали вращаться, и парнишка запаниковал: остановить кувыркание они не могли. Девушка пыталась, но, чтобы прекратить это в свободном падении, нужны усилия двоих – как и для того, чтобы начать. Зеркала, сбивающие чувство ориентации в пространстве, да плюс невесомость – он никак не мог прекратить блевать, – Паркер глотнул еще пива. – Никогда не видел столько дерьма за всю жизнь. Готов спорить, они все еще отмывают эти зеркала.

– Даа, – Бретт улыбнулся со знанием дела.

Паркер посидел тихо, позволяя последним крупницам воспоминаний уйти из его разума. Они оставили после себя приятное сладострастное послевкусие. С отсутствующим видом он тронул ключевой переключатель на своей консоли. Зажегся превосходно-зеленый, ровно-горящий индикатор.

– Как у тебя цвет?

– Зеленый, – признал Бретт после того, как повторил процедуру «включить-и-проверить» на собственной панели.

– И у меня, – Паркер вдумчиво посмотрел на пузырьки газа в пиве. Всего несколько часов после выхода из гиперсна, а ему уже скучно. Двигатели работали с тихой эффективностью, поэтому механик чувствовал себя лишним. Говорить было не с кем, только с Бреттом, но ведь нельзя вступить в действительно оживленные дебаты с человеком, который отвечает односложно, и для которого завершённое предложение является настоящим подвигом.

– Я считаю, что Даллас специально игнорирует наши жалобы, – он все же предпринял попытку оживить беседу. – Может, и не в его силах организовать нам полноценную надбавку, но он же капитан. Если бы он хотел, мог бы послать запрос или замолвить за нас двоих словечко. Это бы наверняка помогло.

Он изучил данные на дисплее. Цифры выстраивались по возрастанию и убыванию справа и слева. Мерцающая красная линия шла вниз, с центром точно на нулевой отметке, и разделяла данные на две аккуратных половины.

Паркер только собрался продолжить разглагольствования, чередующиеся с историями и жалобами, но над ними внезапно раздался монотонный звуковой сигнал.

– Господи! Ну, что теперь? Не успеет человек спокойно устроиться, как кто-нибудь начинает пердеть.

– Точно, – Бретт наклонился вперед, чтобы лучше слышать, пока говоривший издали прочищал горло.

Голос принадлежал Рипли:

– Идите в столовую.

– Не может быть, чтобы уже наступил обед или ужин, – Паркер недоумевал. – Или мы ждем разгрузки, или...

Он вопросительно взглянул на напарника.

– Скоро узнаем, – ответил Бретт.

Пока они шли к столовой, Паркер с неудовольствием обзирал чистые, едва ли не стерильные стены коридора с маркировкой «С».

– Хотел бы я знать, почему они никогда сюда не приходят. Вот где настоящая-то работа.

– Может, потому же, почему мы получаем половину их жалования? Они считают, что вправе нами распоряжаться. Они это так видят.

– Ну, я скажу тебе кое-что: от этого всего дурно пахнет, – тон Паркера не оставлял сомнений, что подразумевает он вовсе не тот запах, что пропитывал стены коридора.

II

Столовая была отнюдь не комфортабельной, но достаточно просторной, чтобы вместить всю команду. Поскольку они редко ели все вместе одновременно (постоянно работающий автоповар позволял проявлять индивидуальные привычки в режиме приема пищи), помещение проектировали без учета возможного присутствия семерых. В итоге сейчас все переминались с ноги на ногу, постоянно задевая соседа плечом и натывая друг на друга, и старались не слишком действовать на нервы коллегам.

Паркер и Бретт вовсе не лучились счастьем и не старались скрыть свое неудовольствие. Их единственное утешение заключалось в осознании того, что по инженерной части все в порядке, и какова бы ни была причина их воскрешения, разбираться с ней должны те, кто несет более высокую ответственность, чем они сами. Рипли уже рассказала им о непонятном изменении места назначения.

Паркер считал, что теперь им придется снова погрузиться в гиперсон – процедура неприятная и неудобная даже если все идет, как надо, – и бормотал ругательства. Его возмущало все, что отделяло его от чека-с-зарплатой-в-конце-путешествия.

– Капитан, мы знаем, что в Солнечную систему еще не прибыли, – Кейн говорил за всех остальных, пока они выжидающе смотрели на Далласа. – Мы далеко от дома, но корабль все равно считал нужным вытряхнуть нас из гиперсна. Настало время разобраться, почему.

– Настало, – с готовностью согласился Даллас. Стараясь, чтобы его слова звучали веско, он начал объяснять: – Как вам всем известно, Мать запрограммирована на то, чтобы прервать наше путешествие, выключить гипердвигатель и разбудить нас, если возникнут определенные, точно заданные условия. – Он сделал паузу для усиления эффекта. – Они возникли.

– И они должны быть весьма серьезными, – Ламберт наблюдала, как кот Джонс играет с мерцающим огоньком сигнального устройства. – Ты это знаешь. Вытащить всю команду из гиперсна не так просто. Всегда есть определенный риск.

– А то мы не знаем, – пробурчал Паркер так тихо, что его мог расслышать только Бретт.

– Вы все будете счастливы услышать, – продолжил Даллас, – что чрезвычайная ситуация, из-за которой нас разбудили, не относится к «Ностромо». Мать говорит, что корабль в отличном состоянии.

В тесной столовой прозвучала пара прочувствованных «аминь!».

– Чрезвычайная ситуация произошла в другом месте, а именно, в неназванной системе, куда мы недавно вошли. И прямо сейчас мы должны приближаться к конкретной планете... – капитан взглянул на Эша и был вознагражден подтверждающим кивком. – Мы приняли сигнал из какого-то источника. Он искажен, и у Матери, судя по всему, ушло какое-то время на его расшифровку, но совершенно точно это сигнал с просьбой о помощи.

– Ой, ну что за бессмыслица? – удивилась Ламберт. – Из всех стандартных передач просьбы о помощи всегда самые прямолинейные и наименее сложные. Так с чего у Матери возникли хотя бы малейшие проблемы с расшифровкой?

– Мать полагает, что эта передача какая угодно, только не «стандартная». Это сигнал акустического маячка, повторяющийся с интервалами в двенадцать секунд. Однако необычно не это. Мать считает, что сигнал нечеловеческого происхождения.

Вот после этого все удивленно забормотали. Когда спало первоначальное возбуждение, Даллас продолжил объяснения:

– Мать не уверена. И вот то, чего не понимаю уже я: прежде мне никогда не доводилось видеть компьютер, выдающий замешательство. Отсутствие информации – да, но не замешательство. Кажется, это первый случай.

– Что более важно, она достаточно уверена в том, что это сигнал с просьбой о помощи, для того чтобы вытащить нас из гиперсна.

– И что? – Бретт выглядел безукоризненно незаинтересованным.

В ответе Кейна прозвучал только намек на раздражение:

– Ну же. Ты знаешь свои инструкции. Согласно директивам секции В2 Компании во время перевозок, в подобных ситуациях мы обязаны предоставлять любую помощь и содействие, какие можем. Независимо от того, послан ли сигнал людьми или кем-то еще.

Паркер с отвращением пнул палубу.

– Господи, мне тошно это говорить, но мы – коммерческий буксир с большим и сложным в обращении грузом, а не чертова команда спасателей! Таких обязанностей в наших контрактах не прописано, – его лицо чуть посветлело. – Разумеется, если за эту работу приплатят немного сверх...

– Тебе надо перечитать твой контракт, – Эш процитировал с той же аккуратностью, с какой обычно вещал предмет его гордости – главный компьютер: – «По любой повторяющейся передаче, предполагающей наличие разумной жизни, должно быть проведено расследование». С угрозой полного лишения всего жалования и премий в конце путешествия. И ни слова про надбавки за то, чтобы помочь кому-то в беде.

Паркер снова пнул палубу, но ничего не ответил.

Ни он, ни Бретт не считали себя героями. То, что вынудило корабль совершить посадку в чужом мире, могло столь же жестоко обойтись и с ними. Не то чтобы имелись доказательства, что просящего о помощи вынудили спуститься на планету... Однако, сохраняя реальный взгляд на эту суровую Вселенную, Паркер склонялся к пессимизму.

Бретт же просто смотрел на лишний крюк в маршруте с позиции очередной отсрочки жалования.

– Мы проверим. И на этом все, – Даллас переводил взгляд с одного на другого. Ему самому такое отклонение от курса нравилось не больше, чем им, и он, так же, как и они, очень хотел оказаться дома и избавиться от груза. Но бывали ситуации, в которых спуск пара перерастал в прямое неподчинение.

– В точку, – сардонически ответил Бретт.

– Это ты о чем?

Механик-техник дураком не был. Тон Далласа в сочетании с выражением его лица подсказали Бретту, что сейчас время отступить.

– В точку... по поводу проверки, – Даллас продолжал смотреть на него в упор, поэтому Бретт добавил с улыбкой: – Сэр.

Капитан перевел желчный взгляд на Паркера, но этот достойный человек уже смирился с обстоятельствами.

– Мы сможем спуститься на планету? – спросил он у Эша.

– Кто-то уже смог.

– Я это и имею в виду, – со значением произнес капитан. – «Спуститься» – это термин с положительным оттенком смысла. Он подразумевает определенную последовательность событий, успешно воплощенных, в результате чего корабль мягко и безопасно соприкасается с твердой поверхностью. У нас тут просьба о помощи. А это подразумевает, что предшествующие события оказались отнюдь не положительными. Давайте выясним, что происходит... но осторожно, чтобы если что – ноги в руки.

На мостике имелся подсвеченный картографический стол. Даллас, Кейн, Рипли и Эш стояли по разные стороны от него, а Ламберт сидела у своей станции.

– Вот оно, – Даллас ткнул пальцем в светящуюся точку на поверхности стола и посмотрел на окружающих. – Тут есть кое-что, и я хочу, чтобы вы все услышали.

Все расселись по местам, и капитан кивнул Ламберт. Ее пальцы зависли над переключателем.

– Ладно, давай послушаем. Только следи за громкостью.

Навигатор переключила рычажок. Мостик наполнился треском статики и шипением. Затем, внезапно исчезнув, помехи сменились звуком, от которого у Кейна по спине поползли мурашки, а у Рипли – настоящие жуткие многоножки. Сигнал длился двенадцать секунд, после чего снова сменился статикой.

– Боже всемогущий, – у Кейна вытянулось лицо.

Ламберт выключила колонки. Атмосфера на мостике снова стала человеческой.

– Что за дьявол? – Рипли выглядела так, словно только что увидела на своей обеденной тарелке дохлую мышь. – Это не похоже ни на один сигнал с просьбой о помощи из тех, что я когда-либо слышала.

– Мать считает, что это именно он, – ответил Даллас.

– Назвать его «чужим», значит сильно преуменьшить.

– Может, это голос? – Ламберт сделала паузу, обдумала произнесенные слова, сочла, что, будь они правдой, это не сулит ничего хорошего, и попыталась притвориться, будто ничего не говорила.

– Скоро узнаем. Ты засекала местоположение?

– Я нашла планету, – с облегчением и благодарностью произнесла Ламберт и снова обратила внимание на свою консоль, радуясь, что можно занять голову математикой, а не тревожными мыслями. – Мы достаточно близко.

– Мать не выдернула бы нас из гиперпространства, если б мы не были близко, – пробормотала Рипли.

– Оно идет с восхождения на шесть минут двадцать секунд; отклонение минус тридцать девять градусов две секунды.

– Покажи-ка мне целиком на экране.

Навигатор последовательно ударила по нескольким кнопкам. Один из экранов замерцал и одарил всех изображением яркой точки.

– Высокое альbedo. Можешь чуть поближе?

– Нет. Нужно сначала посмотреть с этого расстояния. А я сделаю так.

Тут же изображение приблизилось, открыв ничем не примечательный, слегка сплюснутый объект, висающий в пустоте.

– Нахалка, – в голосе Далласа не было злости. – Ты уверена, что это здесь? А то в этой системе не протолкнуться.

– Это здесь, все правильно. Всего лишь астероид. Может, двести километров, не больше.

– Вращение?

– Ага. Около пары часов, работаю над предварительными цифрами. Скажу точнее минут через десять.

– Пока и этого достаточно. Какова гравитация?

Ламберт изучила данные из разных источников.

– Восемьдесят шесть процентов земной. Похоже, довольно плотное вещество.

– Не говори об этом Паркеру с Бреттом, – посоветовала Рипли. – А то они подумают, что там сплошной тяжелый металл, и убредут куда-нибудь разыскивать руду до того, как мы проверим нашего неизвестного радиовещателя.

Замечание Эша прозвучало более прозаически:

– Можно ходить по поверхности.

Все занялись разработкой процедуры выхода на орбиту.

Буксируя свой необъятный груз из резервуаров и заводского оборудования, «Ностромо» приблизился к крошечному миру.

– Приближаюсь к апогею орбиты. Отметка. Двадцать секунд. Девятнадцать, восемнадцать... – Ламберт продолжила отсчет, пока остальные занимались своими обязанностями.

– Поворот на девяносто два градуса вокруг вертикальной оси на правый борт, – объявил Кейн деловым тоном.

В тяжеловесном пируэте буксир с прицепом развернулись в безбрежности космоса. Корма буксира подсветилась, когда ненадолго включились вспомогательные двигатели.

– Достигли экваториальной орбиты, – сообщил Эш. Под ними безразлично вращался миниатюрный мир.

– Что с давлением в электростатическом коллекторе?

Эш изучил шкалы, ответил, не поворачиваясь к Далласу:

– Три точка четыре пять эн дробь эм в квадрате... около пяти psia¹.

– Сообщи, если поменяется.

– Переживаешь, что избыток руководства выведет из строя гиридин, пока мы заняты другим?

– Ага.

– Его контролируют распределительная система управления и система сбора данных. А еще мы усилены системой слежения и мониторинга движения в атмосфере с компьютерным интерфейсом. Теперь тебе лучше?

– Гораздо, – Эш был забавным типом – холодно-отстраненным, но при этом чрезвычайно компетентным. Ничто не приводило его в замешательство. Принимая решения, Даллас чувствовал себя уверенно, когда Эш находился рядом.

– Приготовиться отсоединить платформу, – капитан щелкнул переключателем, обратился к небольшому коммуникатору. – Машинное, готовимся отсоединять.

– L-выравнивание по правому и левому бортам в норме, – ответил Паркер без тени обычного сарказма.

– Норма по центру спинального разделения, – добавил Бретт.

– Пересекаем терминатор, – сообщила всем Ламберт. – Входим на ночную сторону.

Внизу темная линия разделила плотные облака, из-за чего с одной стороны они были ярко подсвечены, а с другой – темны, словно могила.

– Уже почти. Уже почти. Наготове, – Ламберт последовательно переключила несколько тумблеров. – Наготове. Пятнадцать секунд... десять... пять... четыре. Три. Две. Одна. Замок.

– Отсоединить, – коротко приказал Даллас.

Между «Ностромо» и громоздкой платформой с нефтеочистительным заводом показались тонкие струйки газа. Две рукотворных структуры, одна – крошечная и населенная людьми, вторая – огромная и безлюдная, медленно отдалились друг от друга. Даллас внимательно следил за разделением на экране номер два.

– Центр чист, – объявила после короткой паузы Рипли.

– Поправка введена, – Кейн откинулся в кресле и на пару секунд расслабился. – Все чисто и в порядке. Успешно разъединились. Никаких повреждений.

– Здесь тоже, – добавила Ламберт.

– И здесь, – с облегчением сказала Рипли.

Даллас глянул на навигатора.

– Ты уверена, что мы оставили ее на стационарной орбите? Мне бы не хотелось, чтобы все два миллиарда тонн свалились и сгорели, пока мы там шарим внизу. Атмосфера не настолько плотная, чтобы обеспечить нам надежный зонтик.

Ламберт сверилась с показаниями.

¹ Psia – внесистемная единица изменения давления – фунт силы на квадратный дюйм относительно вакуума. – Примеч. перев.

– Она останется здесь на год или около того с легкостью, сэр.

– Ну ладно. Деньги Компании в безопасности, а значит, и наши черепа тоже. Давайте спускаться. Приготовиться к полету в атмосфере.

Пять человек сосредоточенно работали, выполняя каждый свои задачи. Кот Джонс сидел на левой консоли и изучал приближающиеся облака.

– Снижаемся, – внимание Ламберт было приковано к шкале высоты. – Пятьдесят тысяч метров. Ниже. Ниже. Сорок девять тысяч. Входим в атмосферу.

Даллас следил за собственным инструментарием, пытаясь оценить и удержать в памяти десятки постоянно изменяющихся цифр. Полет в глубоком космосе складывался из подобающего почтения к инструментам и оставления всей тяжелой работы Матери. Полет же в атмосфере был делом иным: для разнообразия, здесь приходилось работать пилоту, а не машине.

Коричневые и серые облака поцеловали нижнюю обшивку корабля.

– Осторожнее. Выглядит паршиво.

«Как типично для Далласа», – подумала Рипли. Где-то внизу в этом тусклом аду другой корабль испускает регулярный, нечеловеческий, пугающий призыв о помощи. Планета отсутствует в списках, а значит, им придется начать расследование с таких вещей, как особенности атмосферы, грунта и тому подобного. Но для Далласа это всего лишь «паршиво». Она частенько гадала, почему человек настолько компетентный, как их капитан, летает на таком незначительном корыте, как «Ностромо».

Если бы она могла прочесть его мысли, то ответ бы ее удивил. Далласу это нравилось.

– Вертикальный спуск рассчитала. Начала. Слегка корректирую курс, – проинформировала всех Ламберт. – Легли на курс, фиксируем цель. Зафиксировали, и теперь идем прямо к ней.

– Принято. Как почувствует себя оборудование, если врубить вспомогательный двигатель при такой погоде?

– Пока все нормально, сэр. Но наверняка не скажу, пока мы не спустимся под эти облака. Если сможем под них спуститься.

– Добро, – Даллас нахмурился при виде каких-то показателей, тронул кнопку. Данные сменились на более удовлетворительные. – Дай мне знать, если тебе покажется, будто что-то идет не так.

– Сделаю.

Буксир вошел в зону невидимости – для глаз, но не для приборов. Корабль вздрогнул, второй раз, третий, после чего устроился более комфортно в плотном одеяле из темных облаков. Легкость, с которой это произошло, родилась из умения Ламберт прокладывать курс и навыков Далласа в роли пилота.

Но спокойствие долго не продлилось. В океане атмосферы бурлили мощные течения. Они молотили по спускающемуся кораблю.

– Турбулентность, – Рипли боролась с управлением.

– Вруби навигационные и посадочные огни, – Даллас пытался разобрать хоть что-то в водовороте вихрей, заполнивших экраны. – Может, разглядим чего-нибудь.

– Плохая замена приборам, – заметил Эш. – Не в таких условиях.

– Да уж, полный пакет информации был бы лучше. Но как бы там ни было, я хочу хоть что-то рассмотреть.

Мощные прожекторы включились на корпусе «Ностромо». Они совсем неглубоко пронзили вихри облаков и не обеспечили ясного поля видимости, которого так жаждал Даллас. Однако они осветили темные экраны, отчего на мостике стало светлее, заодно просветлела и царившая там атмосфера. Ламберт перестало казаться, что они летят сквозь чернила.

Паркер и Бретт не видели облачный покров вокруг корпуса «Ностромо», но они его чувствовали. Машинное отделение внезапно отклонилось в сторону, перевалилось на другую, затем снова резко отклонилось.

Паркер пробормотал под нос проклятье.

– Что это было? Ты слышишь?

– Даа, – Бретт нервно изучил показания. – Падение давления во впускном клапане номер три. Наверное, потеряли щиток.

Он нажал несколько кнопок.

– Ну да, третий отвалился. Внутрь летит пыль.

– Отрубай, отрубай.

– А как ты думаешь, что я делаю?

– Отлично. Значит, вспомогательный у нас полон пыли.

– Да не проблема... Я надеюсь, – Бретт скорректировал управление. – Я дам обводной путь мимо номера три и вытряхну эту дрянь так же, как она попала внутрь.

– Повреждения все равно получены, – Паркеру не нравилось думать о том, что могли сделать с каналом впускного клапана принесенные ветром абразивные частицы. – Где мы, черт возьми, летим? Сквозь облака или камни? Ставлю десять баксов против девственности твоей тетки, что если мы и не разобьемся, то получим возгорание из-за замыкания в какой-нибудь важной цепи.

Не ведая о яростной ругани в машинном отделении, пятерка людей на мостике изо всех сил старалась посадить буксир невредимым, и желательно рядом с источником сигнала.

– Приближаемся к месту, – Ламберт изучила шкалы. – Через двадцать пять километров. Двадцать. Десять, пять...

– Замедляюсь и разворачиваюсь, – Даллас налег на штурвал.

– Скорректируй курс на три градуса, четыре минуты вправо. – Капитан выполнил эти указания. – Вот оно. Пять километров до центра зоны обследования.

– Приближаюсь, – Даллас еще раз тронул штурвал.

– Три километра. Два, – голос Ламберт звучал слегка взволнованно, то ли из-за опасности, то ли из-за близости к источнику сигнала – Даллас определить не мог. – Мы практически кружим над ним.

– Отличная работа, Ламберт. Рипли, что там за грунт? Найди нам место для посадки.

– Работаю, сэр, – она сверилась с несколькими панелями, и отвращение на ее лице проступало сильнее по мере того, как поступали неподходящие данные. Пока Рипли пыталась разобраться с невидимой поверхностью планеты, Даллас продолжал заботиться о том, чтобы корабль кружил точно над целью.

– Визуальный обзор невозможен.

– Это мы видим, – пробурчал Кейн. – Точнее, не видим.

Краткие и редкие вспышки образов поверхности, что передавали ему приборы, настройки не улучшали. Согласно редким показаниям, внизу простирался голый, заброшенный, опустошенный враждебный и бесплодный мир.

– У меня на радаре – шум, – Рипли хотелось, чтобы электроника реагировала на проклятия так же легко, как и люди. – На сонаре – шум. Инфракрасный спектр – шум. Погодите-ка, сейчас попробую ультрафиолетовый. Диапазон достаточно широк, чтобы не смешиваться.

Прошла секунда, после чего ключевые показатели наконец-то выдали удовлетворительные результаты, на мониторе возникли ярко подсвеченные слова и компьютерные схемы.

– Получилось.

– И место для посадки?..

Теперь Рипли выглядела полностью расслабленной:

– Насколько я могу сказать, мы можем сесть где угодно. Согласно данным, там ровная поверхность. Абсолютно плоская.

В мыслях Далласа пронеслись картины лавы, покрытой обманчиво холодной, но тонкой коркой, едва прикрывающей расплавленную смерть.

– Да, но ровное что: вода, застывшая лава, песок? Кейн, уточни это. Дай нам определенность. Я снижусь, чтобы убрать большую часть помех. Если там ровная поверхность, то можно спокойно опуститься поближе.

Кейн щелкнул переключателями.

– Сканирую. Запущен анализ. Пока все еще мешает шум.

Даллас осторожно снизил буксир.

– Все еще помехи, но начинает проясняться.

Даллас сбросил высоту еще. Ламберт следила за приборами.

Они находились на достаточно безопасной высоте, но при их текущей скорости ситуация могла быстро измениться, если что-либо пойдет не так с двигателями, или образуется нисходящий воздушный поток. И снизить скорость еще больше они не могли – при таком ветре это означало критическую потерю управления.

– Проясняется, проявляется... вот оно! – Кейн изучил показания и контуры, предоставленные корабельным сканером изображения. – Когда-то поверхность была расплавлена, но, согласно анализу, это было уже очень давно. По большей части это базальт, немного риолита, кое-где пласты еще каких-то вулканических пород. Сейчас все остывшее и плотное. Ни следа тектонической активности.

Он подключился к еще одной системе, чтобы глубже проникнуть в секреты покровов крошечного мира.

– Никаких ошибок. Мы точно знаем, что там прямо внизу и вокруг. Хорошее место, чтобы спуститься.

Даллас быстро это обдумал.

– Ты уверен насчет структуры поверхности?

– Она слишком старая, чтобы быть жидкой, – в голосе старшего помощника прозвучала нотка раздражения. – Я достаточно осторожен, чтобы вместе с составом уточнить и возраст материала. Думаешь, я рискну посадить нас в жерло вулкана?

– Ладно-ладно, извини. Просто уточняю. Я не проводил посадок без карт и маячков с тех пор, как учился в школе, так что слегка нервничаю.

– А все мы нет, что ли? – готовностью отозвалась Ламберт.

– Всем все ясно? – Никто не возразил. – Тогда давайте спускаться. Я заложу вираж, насколько получится при таком ветре, и постараюсь сесть максимально близко. А ты, Ламберт, внимательно следи за сигналами. Предупреди о расстоянии, если мы приблизимся слишком сильно. – В тесной комнате голос капитана звучал напряженно.

Поправки учтены, приказы отданы и исполнены верными электронными помощниками. «Ностромо» начал осуществлять постепенный спиральный спуск к поверхности, сражаясь с боковыми ударами и протестующими порывами ветра в черной атмосфере на каждом метре пути.

– Пятнадцать километров и снижаемся, – объявила Рипли. – Двенадцать... десять... восемь.

Даллас коснулся панели управления.

– Снижаем скорость. Пять... три... два. Один километр, – капитан повторил движение. – Замедляемся. Активировать посадочные двигатели.

– Есть, – Кейн уверенно работал со своей консолью.

– Теперь спуск контролирует компьютер, – отчетливое, громкое гудение заполнило мостик, когда Мать приняла управление на себя, контролируя последние метры спуска с такой точностью, на которую не был способен и самый лучший пилот-человек.

– Снижаемся на посадочных, – сказал Кейн. – Вырубите двигатели.

Даллас сделал последнюю предпосадочную проверку и перевел несколько переключателей в положение «ВЫКЛЮЧЕНО».

– Двигатели отключены. Подъемная четверка функционирует как надо.

Теперь мостик наполнила ровная пульсация.

– Девятьсот метров и снижаемся! – Рипли следила за собственной консолью. – Восемьсот. Семьсот. Шестьсот.

Какое-то время она продолжила отсчитывать расстояние в сотнях метрах, но вскоре перешла на десятки.

На пяти метрах буксир помедлил, зависнув на посадочных двигателях над окутанной ночной тьмой и терзаемой штормом поверхностью планеты.

– Выпустить распорки, – когда Даллас отдал приказ, Кейн уже выполнял необходимые действия. Из-под днища корабля, висевшего над невидимыми камнями, выдвинулось несколько металлических подпорок, словно лапки у жука.

– Четыре метра... уфф! – Рипли остановилась. Как и «Ностромо», чьи посадочные распорки соприкоснулись с неподатливым камнем. Массивные амортизаторы смягчили контакт. – Сели.

Что-то оборвалось. Возможно, сгорела вспомогательная цепь или возникла перегрузка, которую неверно скомпенсировали и не исправили достаточно быстро. Буксир ужасающе содрогнулся. Металл корпуса завибрировал, от чего по всему кораблю раздался душераздирающий металлический стон.

– Ничего не вижу! – заорал Кейн, когда на мостике погас свет. Поломка лавиной отдавалась в независимых металлических нервных окончаниях «Ностромо», и датчики громко требовали внимания.

В момент, когда сотрясение ощутили и в машинном отделении, Паркер с Бреттом как раз собирались открыть еще по пиву. Ряд трубок, вделанных в потолок, незамедлительно взорвался. В кабине для наблюдения загорелись три панели, а клапан давления неподалеку сначала раздуло, а затем сорвало. Свет погас, и механики зашарили вокруг в поисках фонариков, а Паркер пытался найти кнопку включения запасного генератора, чтобы обеспечить питание, раз его не давали главные двигатели.

На мостике воцарилось контролируемое смятение. Когда крики и вопросы стихли, Ламберт озвучила то, что было у всех на уме:

– Второй генератор уже должен был включиться, – сделав шаг, она сильно ударилась коленом о консоль.

– Интересно, почему этого не произошло? – Кейн добрался до стены, пошарил в поисках вспомогательного посадочного оборудования... – Вот. – Он коснулся нескольких знакомых переключателей и снял блокировку. – Затем... он должен быть рядом... – рука старпома нащупала фонарь на случай непредвиденных ситуаций, и тусклое сияние выхватило из темноты несколько призрачных силуэтов.

С помощью Кейна Даллас и Ламберт нашли еще два фонаря – трех источников света уже было достаточно, чтобы работать.

– Что случилось? Почему не включился вспомогательный? И что вызвало поломку?

Рипли ткнула в интерком:

– Машинное отделение, что случилось? Каково наше состояние?

– Паршиво, – голос Паркера звучал по-деловому, взбешенно и обеспокоенно одновременно. Фоном для его слов выступало отдаленное жужжание, словно от крыльев огромного насекомого, а сами слова то усиливались, то отдалялись, как будто говоривший не мог постоянно оставаться в зоне действия приемного устройства интеркома. – Чертова пыль в двигателях, вот что случилось. Набрали ее, пока спускались. Похоже, мы не смогли ее блокировать и вычистить вовремя. У нас тут возгорание в электросети.

– Сильное, – вставил в беседу единственное слово Бретт. Его голос доносился слабо.

Последовала пауза, за время которой можно было разобрать только шипение химических огнетушителей.

– Забились воздухозаборники, – у Бретта наконец-то выдалась возможность обратиться к взволнованным слушателям. – Мы сильно перегрелись. Думаю, сожгли целую ячейку. Боже, тут реально ситуация выходит из-под контроля...

Даллас глянул на Рипли.

– Судя по голосам, эти двое очень заняты. Кто-нибудь, дайте мне критический анализ. Что-то хлопнуло. Я надеюсь, что поломка возникла только в их отделении, но все может оказаться хуже. Нам пробило корпус? – он набрал побольше воздуха. – Если да – где и насколько сильно?

Рипли быстро изучила показания приборов, затем пробежала глазами по диаграммам. После этого она наконец-то ощутила достаточно уверенности, чтобы ответить на вопрос определенно:

– Я ничего не вижу. Во всех отсеках у нас по-прежнему правильное давление. Если где-то и есть отверстие, то оно слишком мало, и система самоизоляции уже его закрыла.

Эш изучил собственную консоль. Она, как и все прочие, обладала независимым питанием на случай глобальных перебоев с энергией. Таких, как сейчас.

– В воздухе всех отсеков ни следа загрязнений из внешней атмосферы. Думаю, мы все еще герметизированы, сэр.

– Лучшие новости из тех, что я слышал за последние шестьдесят секунд. Кейн, вруби внешние экраны, у которых осталось питание.

Старший помощник поколдовал с тремя переключателями. На экранах возникло отчетливое мерцание, намеки на неясные геологические формы, а затем полная темнота.

– Ничего. Мы слепые снаружи так же, как и здесь. Прежде чем мы сможем взглянуть, где оказались, надо, чтобы заработал как минимум вспомогательный генератор. Батарей не хватает даже для минимальной картинки.

Аудиосенсорам энергии требовалось меньше, так что голос внешнего мира они в корабль передавали. Звуки штормового ветра усиливались и гасли, наполняя мостик протяжным щелканьем, напоминавшим переговоры рыб под водой.

– Хотелось бы мне, чтобы мы спустились сюда днем, – Ламберт всмотрелась в темный иллюминатор. – Смогли бы видеть без помощи оборудования.

– Что такое, Ламберт? – поддразнил ее Кейн. – Боишься темноты?

Она не улыбнулась в ответ.

– Я не боюсь известной мне темноты, но темнота незнакомая приводит меня в ужас. Особенно когда она наполнена такими звуками, как этот призыв о помощи. – С этими словами навигатор снова уставилась в заметенный пылью иллюминатор.

Ее готовность выразить вслух их глубочайшие страхи ничем не улучшила психологическую атмосферу на мостике. Здесь было тесно и в лучшие времена, а сейчас темнота словно душила людей, что усугублялось затянувшейся тишиной.

Облегчение наступило, лишь когда Рипли сообщила:

– У нас снова есть связь с машинным, – Даллас и прочие выжидательно смотрели, как она возится с усилителем. – Это ты, Паркер?

– Да, это – я, – по звучанию голоса было похоже, что механик слишком устал, чтобы язвительно огрызаться в своей обычной манере.

– Как ваше состояние? – Даллас мысленно скрестил пальцы. – Что с пожаром?

– Мы его наконец-то погасили, – механик вздохнул, отчего показалось, что по мостику прокатился порыв ветра, – он перекинулся на эту старую смазку, проложенную в стенах коридора на уровне «С». Какое-то время я даже боялся, что нам спалит легкие. Впрочем, горючий слой оказался тоньше, чем я думал, и прогорел быстрее, чем успел выжечь слишком много воздуха. Газоочистители вроде нормально гарь убирают.

Даллас облизнул губы.

– А каковы повреждения? Плевать на косметику. Все, что меня волнует, – это эффективное функционирование корабля и то, что может ему в этом помешать.

– Ну, давай посмотрим... Четыре панели полностью выбыли из строя, – Даллас представил, как механик загибает пальцы во время перечисления. – Вспомогательный распределитель нагрузки тоже, и еще как минимум три ячейки в двенадцатом модуле. Со всем вытекающим. – Паркер сделал паузу, чтобы дать это осмыслить, и добавил: – Мелочовка интересует? Дай мне час, и я предоставлю тебе список.

– Забудь. Хотя погоди секунду, – Даллас повернулся к Рипли: – Проверь еще разок экраны.

Та подчинилась, но результата не получила. Экраны остались пусты, словно мозг бухгалтера Компании.

– Придется еще какое-то время обойтись без них, – сказал он ей.

– Ты уверен, что это все? – спросила Рипли в интерком. Она обнаружила, что впервые с тех пор, как Паркер и Бретт стали частью команды, сочувствует им. Точнее, с тех пор, как частью команды стала она сама – Паркер входил в состав экипажа «Ностромо» до нее...

– На данный момент все, – Паркер кашлянул в микрофон. – Мы прямо сейчас пытаемся вернуть питание кораблю. Вышедший из строя двенадцатый модуль тут все испортил. Дам вам знать насчет питания после того, как мы разберемся со всем, до чего добрался огонь.

– А что с починкой? Вы справитесь? – Даллас мысленно еще раз прошелся по короткому отчету механика. Довольно просто залатать изначальные повреждения, но проблема с ячейками займет больше времени. А что может быть не так с двенадцатым модулем, капитан предпочел не думать.

– Что бы мы ни делали, мы не сможем тут все исправить, – ответил Паркер.

– Я и не предполагал, что сможете. И не ждал. Что вы реально сможете?

– Нам нужно починить парочку трубопроводов и заменить поврежденные клапаны. Придется работать в обход действительно серьезных повреждений, но без отправки корабля в ремонтный ангар мы не сможем залатать трубопроводы так, как надо. Будем импровизировать.

– Понимаю. Что еще?

– Я же сказал, двенадцатый модуль. Говорю тебе как есть: мы потеряли центральную камеру.

– Как? Из-за пыли?

– Частично, – Паркер сделал паузу, обменялся неразборчивыми репликами с Бреттом, потом вернулся к микрофону. – Какие-то частицы склеились в воздухозаборниках, спеклись и вызвали перегрев, который привел к возгоранию. Ты же знаешь, какие эти двигатели чувствительные. Дальше огонь сжег защиту и вывел из строя всю систему.

– Вы можете с этим что-нибудь сделать? – спросил Даллас. Систему нужно было каким-то образом починить. Заменить ее было нечем.

– Думаю, да. И Бретт так считает. Нам нужно все вычистить, а потом заново вакуумировать и поглядеть, как будет держаться. Если останется герметичным, все будет отлично. Если

нет, мы можем попробовать выплавить заплату. Если окажется, что у нас трещина по всей длине прохода, ну... – его голос умолк.

– Давай не будем о самом худшем, – предложил Даллас. – Лучше займемся непосредственными проблемами и будем надеяться, что разбираться придется только с ними.

– Нас устраивает.

– В точку, – прибавил Бретт. Его голос прозвучал откуда-то слева от главного механика.

– Мостик – конец связи.

– Машинное отделение – конец связи. Держите руку на пульсе.

Рипли выключила интерком, выжидающе поглядела на Далласа. Тот сидел молча и задумчиво морщил лоб.

– Рипли, сколько уйдет времени на восстановление работоспособности? Учитывая, что Паркер прав относительно повреждений и что они с Бреттом смогут провести ремонт, и это сработает?

Она изучила показания, секунду подумала.

– Если они смогут заново проложить трубопроводы, и если починят двенадцатый модуль так, что он снова начнет давать энергию, я бы сказала – от пятнадцати до двадцати часов.

– Не так плохо. У меня получилось восемнадцать, – Даллас не улыбнулся, но почувствовал себя более обнадеженным. – Что насчет вспомогательного оборудования? Лучше бы, чтобы все было наготове, когда появится электроэнергия.

– Работаю над этим, – Ламберт сверилась с инструментарием. – К моменту, когда они закончат в машинном отделении, у нас все будет готово.

Десять минут спустя крошечный динамик на панели Кейна издал серию резких гудков. Старший помощник изучил приборы, а затем включил коммуникатор:

– Мостик. Кейн на связи.

Голос Паркера звучал крайне устало, но механик явно был собой доволен, когда проговорил с другого конца корабля:

– Не знаю, долго ли выдержит... некоторые швы мы сварили довольно небрежно, но если все работает, как нужно, то мы пройдемся везде заново и переварим на постоянку. У вас сейчас должно быть электричество.

Старпом щелкнул рычажком перезагрузки. На мостик вернулось освещение, заработали энергозависимые приборы, и отовсюду послышалось одобрительное ворчание членов команды.

– У нас снова есть энергия и свет, – доложил Кейн. – Вы двое отлично поработали!

– Мы всегда отлично работаем, – ответил Паркер.

– В точку, – судя по ровному гулу, который изящным контрапунктом оттенил стандартный ответ, Бретт стоял у коммуникатора рядом с двигательным отсеком.

– Только не слишком радуйтесь, – продолжил Паркер. – Новые связи должны выдержать, но гарантий я не дам. Мы тут просто свалили все в кучу. У вас есть что-нибудь новенькое?

Кейн покачал головой, а потом вспомнил, что Паркер его жеста видеть не может.

– Ни черта, – он глянул в ближайший иллюминатор. Свет с мостика отбрасывал слабое сияние на ничем не примечательную, пустую поверхность планеты. Иногда бушующий снаружи шторм приносил охапку песка или осколок камня, и тогда они коротко вспыхивали отраженным светом, но на том и все. – Просто голый камень. И видимость маленькая. Насколько могу судить, мы вполне можем торчать в пяти метрах от какого-нибудь местного оазиса.

– Мечтай, – Паркер проорал что-то Бретту, после чего деловито закончил: – Будьте на связи, и если у нас возникнут проблемы, – дайте знать.

– Я пошлю тебе открытку, – обнадежил его Кейн и отключился.

III

Вероятно, если бы чрезвычайная ситуация продлилась, так было бы лучше для всеобщего душевного спокойствия. А сейчас, когда свет включился, электропитание вернулось, но делать было нечего, кроме как глядеть друг на друга, люди на мостике беспокоились все больше. Для того чтобы как-то расслабиться с помощью движения и сбросить напряжение в мышцах, не было места. Единственный человек, пожелавший походить взад-вперед, занял бы всю доступную для этого палубу. Так что все хандрили у своих рабочих станций, поглощали небывалое количество кофе, которое выплевывал автоповар, и пытались придумать, чем заняться, чтобы переключить мозги и перестать концентрироваться на текущей неприятной ситуации. А о том, что находилось за пределами корабля – вероятно, совсем рядом, – они предпочли вслух не рассуждать.

Из всех только Эш казался относительно довольным. В данный момент его заботило лишь психическое состояние товарищей по команде. На корабле не было ничего, что помогло бы снять напряжение. «Ностромо» являлся буксиром, рабочим судном, а не круизной яхтой. Когда команда не исполняла свои непосредственные задачи, предполагалось, что она проводит свободное время в уютных объятиях гиперсна, поэтому ничем не занятое время бодрствования нервировало бы всех и в куда более благоприятных обстоятельствах. А сейчас обстоятельства слегка не дотягивали до благоприятных.

Но Эш мог заниматься на компьютере теоретическими проблемами, и поэтому ему не становилось скучно. Он считал бодрствование полезным.

– На наши запросы ответ не пришел? – Даллас отклонился в кресле, чтобы взглянуть на научного сотрудника.

– Я перебрал вручную все типы откликов, плюс свободные ассоциации. Даже позволил Матери воспользоваться кодовым подходом механалога. Ничего, – Эш с разочарованием покачал головой. – Все тот же сигнал с призывом о помощи, повторяющийся с обычными интервалами. На всех прочих каналах – пусто, кроме слабого, но постоянного треска на ноль-точка-три-три. – Он указал вверх большим пальцем. – Мать говорит, что это характерные разряды центральной звезды этого мира. Если тут где-то есть что-нибудь, даже живой, то им ничего не остается, кроме как звать на помощь.

Даллас выругался.

– К нам полностью вернулась энергия. Давайте поглядим, где мы. Врубайте всё.

Рипли щелкнула переключателем. Снаружи включились мощные прожекторы – цепочка ярких жемчужин на темной шкуре «Ностромо». Ветер и пыль теперь стали еще заметнее – иногда они образовывали небольшие завихрения перед иллюминаторами, иногда с заметной скоростью пролетали мимо. Отдельные скалы, всхолмья и впадины – единственное, что оживляло унылый пейзаж. Здесь не было никаких признаков жизни – ни лишайников, ни кустов, ничего. Только ветер и пыль, вихрившиеся в чужой ночи.

– И никакого оазиса, – прошептал Кейн сам себе. Пусто, скучно и негостеприимно.

Даллас поднялся, подошел к иллюминатору и уставился на шторм, глядя, как осколки камня пролетают мимо стекла. Он задумался, стихал ли когда-нибудь ветер на этой маленькой планетке. Учитывая количество их знаний об этом мире, происходящее снаружи вполне могло быть на самом деле тихим летним денечком. Хотя, конечно, маловероятно – этот шарик был недостаточно велик, чтобы создавать действительно плохую погоду, как, например, на Юпитере. Даллас слегка утешился, когда пришел к выводу, что ситуация снаружи сильно ухудшиться не сможет.

Капризы местной погоды стали предметом обсуждения.

– Мы не можем туда выйти, – заявил Кейн. – Не в темноте, во всяком случае.

Эш поднял голову от консоли. Он не нуждался в лишних движениях, и, судя по всему, не испытывал физических неудобств так же, как и психологических. Кейн не мог понять, как научному сотруднику это удавалось. Если бы он сам время от времени не покидал свой пост, чтобы пройтись, он бы уже с ума сошел.

Эш заметил его взгляд и выдал нечто обнадеживающее:

– Мать говорит, что местное солнце взойдет через двадцать минут. Даже если начнем собираться прямо сейчас, к тому времени, как выйдем, будет уже не темно.

– Уже кое-что, – согласился Даллас, хватаясь за малейший способ приободриться. – Раз уж наши связные не хотят или не могут общаться, нам придется пойти их искать. Или пойти искать что-то неизвестное, если сигнал подает какой-нибудь автоматический маячок. Далеко мы от источника передачи?

Эш изучил показания и активировал графопостроитель для того, чтобы получить подтверждение.

– Около трех тысяч метров по преимущественно плоской поверхности, насколько можно судить по сканерам. В грубом приближении – на северо-восток от нашей текущей позиции.

– Состав поверхности?

– Похоже на то, что мы определили еще во время спуска. То же плотное вещество, на котором мы сейчас стоим. Твердый базальт с незначительными вариациями. Хотя я бы не исключал вероятность наткнуться на широкие карманы миндалекаменной породы здесь и там.

– Значит, будем глядеть под ноги.

Кейн прикинул расстояние по времени.

– Хотя бы недалеко идти.

– Даа, – Ламберт была довольна услышанным. – Я бы не стала перемещать корабль. Прямой спуск с орбиты рассчитать проще, чем по такой погоде перелететь из одной точки на поверхности в другую.

– Ладно. Мы знаем, по какой поверхности придется идти. Теперь давайте выясним, сквозь что. Эш, дай нам предварительный отчет по атмосфере.

Научный сотрудник нажал несколько кнопок, и в обшивке «Ностромо» открылось крошечное отверстие. Оттуда появился металлический флакон, вобрал в себя местную атмосферу и снова скрылся в недрах корабля.

Образец ввели в вакуумную камеру. Сложный инструментарий тут же принялся за анализ его частиц. Вскоре они в виде цифр и символов появились на консоли Эша. Тот быстро их изучил, запросил повторную проверку по одному из компонентов, а затем доложил товарищам:

– Это практически базовая смесь. Много инертного азота, немного кислорода, высокая концентрация несвязанной двуокиси углерода. Есть метан и аммиак, последний присутствует в частично замороженном виде... Снаружи холодно. Я уточняю незначительные примеси, но сюрпризов не ожидаю. Выглядит довольно стандартно, для дыхания не годится.

– Давление?

– Десять на четыре дин на квадратный сантиметр. Нам не мешает, если только ветер не вмешается.

– А что с влажностью? – спросил Кейн. Образы воображаемого внеземного оазиса быстро рассеивались.

– Девяносто девять. Может, пахнет тут и не очень, но зато влажно. Много водяного пара. И это странно – не думал, что можно найти водяной пар в соседстве с метаном. Но ладно. Я бы не советовал пить из местных родников, если они тут есть. Скорее всего, в них не вода.

– Еще что-нибудь, о чем нам следует знать? – поинтересовался Даллас.

– Просто базальтовая поверхность, хватает застывшей, твердой лавы. Воздух холодный, сильно ниже отметки комфорта, – сообщил Эш. – Даже если бы воздух годился для дыхания,

при этой температуре нам бы все равно понадобились скафандры. Если там есть кто-то живой, он крепкий орешек.

Даллас, похоже, смирился:

– Полагаю, было неразумно ждать изменения погодных условий, но надежда умирает последней. Атмосферы достаточно, чтобы испортить видимость. Я бы предпочел, чтобы воздуха тут вообще не было, но не мы сотворили этот камешек.

– Никогда не знаешь наверняка, – Кейн снова переключился на философское настроение. – Может, это чье-то воплощение рая.

– Нет смысла возмущаться, – посоветовала Ламберт. – Могло быть куда хуже.

Она взглядела в шторм – тот стихал с приближением рассвета.

– Я точно предпочту это какому-нибудь газовому гиганту, где мы получили бы скорость ветра в три сотни километров в час во время затишья и десятикратную или двадцатикратную гравитацию в придачу. Тут мы хотя бы можем ходить без поддержки генератора и стабилизаторов. Вы, народ, просто не понимаете своего счастья.

– Забавно, но вот счастья я совсем не чувствую, – парировала Рипли. – Я бы предпочла остаться в гиперсне.

Что-то коснулось ее лодыжки, и она потянулась, чтобы погладить спину Джонса. Кот благодарно замурлыкал.

– Оазис или нет, – жизнерадостно сказал Кейн, – но я вызываюсь добровольцем на первую вылазку. Хочу взглянуть поближе на нашего таинственного связного. Никогда не знаешь, что можно обнаружить.

– Например, драгоценности и деньги? – Даллас не смог сдержать ухмылку: Кейн был известным охотником за золотом лепреконов.

Старпом пожал плечами:

– Почему бы нет?

– Я учту. Ладно, принято, – то, что сам Даллас участвует в экспедиции, было понятно без комментариев. Он огляделся в поисках кандидата, чтобы укомплектовать группу. – Ламберт. Ты с нами.

Та не выглядела счастливой.

– Ну, шикарно. Почему я?

– А почему нет? Ты наш официальный указатель направления, так что давай проверим, насколько ты хороша, когда не сидишь в своем кресле, – капитан двинулся к проходу, но сделал паузу, и прозаично добавил: – И еще одно. Скорее всего, мы имеем дело с заброшенным мертвым кораблем и автоматическим маячком, иначе к этому моменту уже слышали бы что-нибудь о выживших. Тем не менее у нас нет уверенности, что мы обнаружим. Эта планета вроде бы не кишит жизнью – враждебной или нет, – но мы не станем лишним раз рисковать. Так что берем оружие.

Он сделал паузу, во время которой Рипли поднялась с места.

– Трое – это максимум, кого я могу выпустить из корабля, Рипли. Тебе придется подождать своей очереди.

– Я не собираюсь наружу, – ответила она. – Мне и тут хорошо. Но все, что я могла сделать здесь, я уже сделала, а Паркеру и Бретту понадобится помощь с тонкой работой, раз они пытаются починить эти трубопроводы...

Несмотря на усилия системы охлаждения, в машинном отделении было слишком жарко. Проблема крылась в объемах сварки, которая к тому же проходила в тесном пространстве. Воздух рядом с термостатами оставался относительно прохладным, но над сварочными швами он нагревался очень быстро.

Сам лазерный сварочный аппарат винить было нельзя – он генерировал сравнительно холодный луч. Но когда металл плавился и образовывал свежий шов, в качестве побочного продукта выделялось тепло. Мужчины работали, сняв футболки, и по их оголенным торсам стекал пот.

Рипли уперлась в стену неподалеку от Паркера с Бреттом и при помощи специфического инструмента вскрывала защитную панель. Под ней обнаружилась сложная комбинация из цветных проводков и крошечных многоугольников. Две маленькие секции оказались угольно-черными. Воспользовавшись другим инструментом, Рипли извлекла поврежденные компоненты и порылась в переброшенной через плечо сумке в поисках подходящей замены.

Пока она ставила на место первую деталь, Паркер выключил лазер и критически осмотрел получившийся шов.

– Неплохо, если можно так выразиться, – он повернулся, чтобы взглянуть на Рипли. Ее туника прилипла к груди от пота. – Эй, Рипли... у меня вопрос.

Она не стала отвлекаться от работы, чтобы на него взглянуть. Второй новый модуль занял свое место рядом с первым, словно зубной имплантат.

– Да-а? Я слушаю.

– Мы сможем пойти в экспедицию, или застряли тут, пока все не починим? Питание мы уже восстановили, а прочее, – он резко взмахнул рукой, обводя потрепанное машинное отделение, – это косметика. Ничего такого, что не подождет несколько дней.

– Вы оба знаете ответ, – Рипли чуть расслабилась и, потирая руки, посмотрела на Паркера. – Капитан уже выбрал двоих, так что больше никто не может выйти, пока они не вернуться и не доложат. Трое вышли, четверо на борту. Таковы правила.

Она сделала паузу, вдруг сообразив кое-что, посмотрела понимающе.

– Но тебя не это волнует, не так ли? Ты переживаешь о том, что они могут найти. Или мы все тебя недооценили, и на самом деле ты – высокодуховный охотник за знаниями, подлинный энтузиаст, расширяющий границы известной Вселенной?

– Какого черта, нет, конечно, – было похоже, что небрежный сарказм Рипли не задел Паркера. – Я – подлинный энтузиаст, расширяющий границы моего банковского счета. Так что... Если они найдут что-то стоящее, как это поделят?

Рипли стало скучно.

– Не переживай. Вы оба получите то, что вам причитается, – она начала искать в сумке с деталями полупроводниковый модуль, чтобы исправить последнюю поврежденную секцию.

– Я не стану делать больше ничего, – неожиданно объявил Бретт, – пока нам не гарантируют полноценные доли.

Рипли наконец-то нашла нужную деталь, поставила ее на место.

– Каждому из вас контрактом гарантирована доля во всем, что мы найдем. Вы оба это знаете. А теперь кончайте валять дурака и возвращайтесь к работе, – она отвернулась и принялась проверять работу свежеставленных модулей.

Паркер мрачно уставился на нее, открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал. Рипли была корабельным уорент-офицером, и затевать с ней вражду было неразумно. Он уже внес свое предложение, но получил отпор. Лучше на этом остановиться, что бы он там ни чувствовал. Если это было необходимо, он следовал логике ситуации. Поэтому механик со злостью снова включил лазер и занялся очередным швом в поврежденном трубопроводе.

Бретт, который следил за питанием для сварочного аппарата, произнес ни к кому конкретно не обращаясь:

– В точку.

Даллас, Кейн и Ламберт шли по узкому коридору. В дополнение к изоляционным рабочим штанам на них теперь были ботинки, куртки и перчатки. И они несли с собой лазерные

пистолеты – миниатюрные версии сварочного аппарата, которым в данный момент пользовались Паркер и Бретт.

Они остановились перед массивной дверью, отмеченной предупреждающими символами и надписью:

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОЗДУШНЫЙ ШЛЮЗ.
ТОЛЬКО ДЛЯ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПЕРСОНАЛА**

Даллас всегда находил это предупреждение забавно чрезмерным – на корабле неоткуда было взяться человеку без полномочий, а любой, уполномоченный быть на борту, был уполномочен пользоваться шлюзом.

Кейн тронул переключатель. Защитная панель скользнула в сторону и открыла три кнопки. Старпом нажал их в нужной последовательности. Послышалось гудение, после чего дверь открылась, и трое вошли в шлюз.

На стенах висело семь скафандров для вакуума. Они были громоздкими, неуклюжими и абсолютно необходимыми для предстоящей прогулки, если оценка внешних условий, произведенная Эшем, соответствовала истине хотя бы наполовину. Трое помогли друг другу надеть эти искусственные шкуры для поддержания жизни и проверили, все ли функционирует правильно.

Настало время надеть шлемы. Процедуру осуществили с подобающими торжественностью и осторожностью, и каждый по очереди проверил, что шлем соседа сидит герметично. Даллас проверил шлем Кейна, Кейн – Ламберт, а она оказала ту же услугу капитану. Эта трехсторонняя игра прошла с крайней степенью серьезности, а исследователи космоса напоминали трех обезьян, ищущих друг у друга блох. Затем они включили автоматическую подачу кислорода и вскоре задышали чуть затхлым, но безопасным для дыхания воздухом из резервуаров скафандров.

Рукой в перчатке Даллас активировал внутренний передатчик на шлеме.

– Я передаю. Вы меня слышите?

– Принимаю, – ответил Кейн, сделал паузу, чтобы увеличить мощность собственного микрофона. – А ты меня слышишь?

Даллас кивнул и повернулся к все еще угрюмой Ламберт.

– Ну же, Ламберт, – сказал он, пытаясь ее приободрить. – Я выбрал тебя за твои способности, а не за веселый характер.

– Благодарю за лесть, – сухо ответила она, – потому что больше не за что. Не мог взять Эша или Паркера, что ли? Они, скорее всего, обрадовались бы шансу пойти.

– Эш должен оставаться на борту. Ты это знаешь. У Паркера полно работы в машинном отделении, к тому же он без приборов дорогу до туалета не найдет. Мне плевать, если ты будешь проклинать меня каждый метр пути. Просто сделай так, чтобы мы нашли источник этого дьявольского сигнала.

– Да-а. Великолепно.

– Ладно, все готово. Не хватайтесь за оружие, пока я не скажу.

– Ты надеешься на встречу с дружелюбной компанией? – в голосе Кейна прозвучало сомнение.

– Надеюсь на лучшее, а не на худшее, – Даллас коснулся панели коммуникатора, включил еще один канал. – Эш, ты там?

Откликнулась Рипли:

– Он пошел в научный отсек. Вернется через пару минут.

– Принято, – капитан повернулся к Кейну. – Закрой внутренний люк.

Старпом нажал нужный переключатель, и дверь за ними плотно закрылась.

– Теперь открой внешний.

Кейн повторил ту же процедуру, после которой они смогли зайти в шлюз. Нажав последнюю кнопку, он отступил к остальным и принялся ждать. Бессознательно Ламберт прижалась спиной к внутренней двери шлюза – инстинктивная реакция на приближающееся неведомое.

Меж тем внешний люк скользнул в сторону. Перед тремя людьми за клубились пыль и пар. Предрассветный свет был огненно-рыжего цвета. Совсем не было похоже на привычный приятный желтый свет Солнца, но Даллас надеялся, что ситуация улучшится, когда местное светило поднимется выше. Оно давало достаточно света, чтобы видеть, хотя в густом, забитом частицами пыли воздухе мало что можно было рассмотреть.

Они шагнули на платформу лифта, которая двигалась между распорками корабля. Кейн тронул переключатель, и платформа спустилась. На ее нижней стороне находились сенсоры, которые отмечали местонахождение поверхности. Они рассчитали расстояние и остановили платформу, когда она коснулась верхней точки темного камня внизу.

Следуя за Далласом, который шел впереди скорее по привычке, чем из-за соблюдения формальностей, они осторожно вышли на поверхность планеты. Застывшая лава под ботинками была твердой и неподатливой. Пока люди обозревали открытый ветрам ландшафт, на них обрушилась ярость шторма. Видеть они могли только камень под ногами, уходящий в оранжево-коричневую дымку.

«Какое же безысходно-унылое место», – подумала Ламберт. Необязательно пугающее – хотя неспособность смотреть вдаль и сбивала с толку. Это напоминало ночное погружение в кишасшие акулами воды. Невозможно предсказать, что может внезапно вынырнуть на тебя из темноты. Может, преждевременно было относиться ко всему пессимистично, но Ламберт так не считала. В окружающем их пейзаже не было ни одного яркого оттенка – ни голубого, ни зеленого, только резкий желтый, грустный оранжевый, тусклые коричневый и серый.

Нечем порадовать глаз, ничто не помогает рассеять мрачные мысли. Атмосфера здесь была цвета неудавшегося химического эксперимента, а земля – цвета испражнений. Ламберт пожалела все, что могло здесь жить. Впрочем, несмотря на отсутствие доказательств, она нутром чувствовала, что сейчас на этой планете не жило ничего.

Может, Кейн и был прав. Может, этот мир воплощал для какого-нибудь существа представления о рае. Если так, то Ламберт не считала, что компания этого существа ей понравилась бы.

– В какую сторону?

– Что? – дымка и облака затуманили ей мысли. Она встряхнулась.

– В какую сторону, Ламберт? – Даллас внимательно на нее смотрел.

– Я в порядке. Просто слишком много думаю, – она представила собственную станцию на борту «Ностромо». Это кресло и навигационный инструментарий, такие тесные и душные в обычных обстоятельствах, сейчас казались маленьким райским уголком.

Навигатор сверилась с линией на экране небольшого устройства, прицепленного к ее поясу.

– Вот оно. Сюда, – она указала направление.

– Веди, – Даллас шагнул к ней.

Ламберт двинулась в объятия шторма в сопровождении капитана и Кейна. Едва они покинули защиту массивного «Ностромо», ветер окружил их со всех сторон. Навигатор с отвращением остановилась, поколдовала с оборудованием скафандра.

– Теперь я ни черта не вижу.

– Включи поисковое устройство, – неожиданно раздался в ее шлеме голос Эша. – Оно настроено на сигнал с просьбой о помощи, так что дай ему довести вас до места и не вмешивайся в его работу. Я уже все сам настроил.

– Он включен и настроен, – огрызнулась она. – Думаешь, я не умею делать свою работу?

– Не хотел тебя обидеть, – ответил научный сотрудник. Ламберт что-то проворчала и двинулась дальше в туман.

Даллас проговорил в собственный передатчик:

– Поисковик работает нормально. Ты уверен, что правильно считываешь данные, Эш?

Внутри научного отсека в нижней части корабля Эш перевел взгляд с медленно уходящих, окутанных пылью фигур на ярко подсвеченную консоль перед собой. На экране отчетливо виднелись три стилизованных изображения. Он коснулся панели управления. Раздалось слабое гудение, когда его кресло сдвинулось на одно деление по направляющим и оказалось точно напротив светящегося экрана.

– Вижу вас прямо сейчас сквозь стекло. Слышу вас ясно и громко. Четкое изображение у меня на панели. Не думаю, что я вас потеряю. Туман не настолько плотный, и помех у поверхности куда меньше. Призыв о помощи на другой частоте, так что нет опасности, что сигналы пойдут внахлест.

– Звучит неплохо, – голос Далласа в динамиках казался неестественным. – Мы все тебя ясно слышим. Давайте оставим канал открытым. Мы бы не хотели потеряться в этой дряни.

– Принято. Я буду следить за каждым вашим шагом, но надоедать не стану, если только что-нибудь еще не появится.

– Принято. Даллас – конец связи, – капитан оставил канал связи с кораблем включенным и в этот момент заметил, что Ламберт смотрит на него. – Мы зря тратим время работы скафандров. Идемте.

Она отвернулась без слов, снова сконцентрировала внимание на поисковом устройстве и двинулась сквозь облака пыли. Чуть более низкая гравитация облегчила вес скафандров и резервуаров с воздухом, тем не менее все гадали, из чего состоит эта планета, что при таком малом размере у нее такая сила притяжения. Мысленно Даллас выделил время для геологических изысканий. Может, сказывалось влияние Паркера, но нельзя было игнорировать вероятность того, что эта планета скрывает большие запасы ценных тяжелых металлов.

Разумеется, Компания предъявит права на подобное открытие, поскольку оно сделано на оборудовании Компании и во время пользования им. Но это могло подразумевать щедрые премии. Их непреднамеренная остановка может оказаться весьма выгодной.

Ветер толкал их, бомбардировал твердым дождем из грязи и пыли.

– Дальше трех метров ничего не видно, куда ни посмотри, – пробормотала Ламберт.

– Хватит жаловаться, – это уже Кейн.

– Мне нравится жаловаться.

– Да ладно. Перестаньте вести себя как пара детишек. Здесь для этого не то место.

– Чудесное милое местечко, – Ламберт было не запугать. – Совершенно не испорченное человеком или природой. Шикарное место... если ты камень.

– Я сказал, достаточно! – после этого она замолчала, но продолжила жаловаться себе под нос. Даллас мог приказать ей прекратить болтовню, но был не в силах остановить ее ворчание.

Внезапно на глаза навигатору попало нечто, что мгновенно отвлекло ее мысли от потока проклятий в адрес маленькой планеты. С экрана поискового устройства кое-что исчезло.

– Что случилось? – спросил Даллас.

– Погоди, – Ламберт слегка подстроила прибор, что было непросто сделать в массивных перчатках. Линия, исчезнувшая с экрана, появилась вновь. – Потеряла. Но нашла снова.

– Какие-то проблемы? – прозвучал голос в шлемах. Эш тревожился.

– Ничего страшного, – проинформировал его Даллас. Он медленно повернулся вокруг своей оси, пытаясь разглядеть в шторме что-нибудь плотное. – Все еще много пыли и ветра. Луч поискового устройства начал слабеть. На секунду потеряли передачу.

– У меня он по-прежнему сильный, – Эш сверился с показаниями. – Не думаю, что это из-за шторма. Возможно, вы добрались до холмистой местности. Это может блокировать сигнал. Будьте осторожны. Если вы его снова потеряете и не сможете восстановить, переключите поисковик на мой канал с корабля. Я постараюсь направить вас отсюда.

– Мы будем об этом помнить, но пока не нужно. Дадим тебе знать, если такие проблемы возникнут.

– Принято. Эш – конец связи.

Снова наступила тишина. Без разговоров они двинулись сквозь окутанный пылью оранжевый лимб. Через некоторое время Ламберт остановилась.

– Снова теряешь? – спросил Кейн.

– Не-а. Смена направления, – она указала налево. – Теперь туда.

Они пошли новым курсом. Ламберт сосредоточила все внимание на экране поискового устройства, а Даллас и Кейн – на Ламберт. Вокруг них шторм разбушевался еще сильнее. Частицы пыли настойчиво бились в лицевые пластины шлемов, словно отстукивали чем-то вроде морзянки: «Тук, тук... впустите нас... тик, так... впустите нас, впустите нас...»

Даллас встряхнулся. Тишина, укутанная облаками пустошь, оранжевая дымка; это начинало действовать на нервы.

– Уже близко, – сказала Ламберт. Датчики скафандров тут же уведомили Эша о том, что у исследователей внезапно увеличилась частота пульса. – Очень близко.

Они продолжили путь. Впереди, высоко над ними, что-то замаячило. Дыхание Далласа участилось – как от прилагаемых усилий, так и от волнения.

Разочарование... это оказалось всего лишь скальное образование, перекрученное и гротескное. Предположение Эша о том, что исследователи зашли на холмистую территорию, оказалось верным. Они нашли себе временное укрытие под каменным монолитом. Одновременно с этим линия на поисковике Ламберт исчезла.

– Снова потеряла, – сообщила она товарищам.

– Может, мы уже прошли? – Кейн изучил камни, попытался заглянуть поверх них, но не смог.

– Нет, если только оно не под землей, – Даллас прислонился к поверхности камня. – Может, оно там дальше, за этой штукой? – Он постучал по камню кулаком в перчатке. – Или это помехи из-за шторма. Давайте передохнем и посмотрим.

Они подождали, опершись на изъеденную эрозией скалу. Вокруг них вихрились пыль и туман.

– Вот теперь мы точно ослепли, – сказал Кейн.

– Скоро должен быть рассвет, – Даллас подстроил микрофон. – Эш, если ты слышишь, сколько до восхода солнца?

Голос научного сотрудника звучал слабо и искажался статикой:

– Солнце поднимется где-то через десять минут.

– Что ж, надеюсь, тогда мы сможем что-нибудь разобрать.

– Или нет, – добавила Ламберт, даже не пытаясь скрыть отсутствие энтузиазма. Им еще надо дойти до источника сигнала, а она уже чертовски устала. Впрочем, это была не физическая усталость: запустение и жуткая цветовая гамма утомляли разум. Она скучала по своей чистой, яркой и привычной консоли.

Усилившаяся яркость света облегчения не принесла. Вместо того, чтобы их ободрить, восходящее солнце принесло уныние, окрасив оранжевый воздух в цвет крови. Может, это будет смотреться не столь устрашающе, когда слабо светящая звезда взойдет полностью...

Рипли отерла рукой лоб и устало выдохнула. Убедившись, что все новые компоненты работают должным образом, она закрыла последнюю стенную панель, над которой трудилась, и убрала инструменты в сумку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.